

ско. Неопределенность употребляемых Плутархом и Юстином терминов («ochlos kai plethos», «populus») в значительной мере мешает понять, какие именно силы — войско или народное собрание — приняли непосредственное участие в этом событии, так как П. Бриан и О. Мюллер приходят к прямо противоположным выводам по этому вопросу. Нам представляется, что решающую роль здесь сыграла особая политическая ситуация. Именно она должна была выдвинуть на первый план вооруженный народ, т. е. войско. Подробнее о возможности такого вывода см.: Самохина Г. С. [Рецензия] // ВДИ. 1982. № 2. С. 195—197. Рец. на кн.: Бриан П. Антигон Одноглазый. Париж, 1973; Она же. [Рецензия] // ВДИ. 1982. № 2. С. 199. Рец. на кн.: Мюллер О. Антигон Одноглазый. Бонн, 1973.

¹⁹ Подробнее о нем см.: Самохина Г. С. Роль так называемых друзей в раннеэллинистической монархии // Вестн. ЛГУ. № 14, История, язык, литература. 1975. Вып. 3. С. 63—64.

²⁰ П. Бриан и О. Мюллер справедливо видят в этом своеобразное театральное действо, организованное друзьями Антигона. См.: Briant P. Op. cit. P. 303—310; Müller O. Op. cit. S. 70—107.

²¹ Подробнее см.: Самохина Г. С. Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства // ВДИ. 1979. № 3. С. 146—155.

²² Самохина Г. С. Развитие представления о chora doricetatos в эпоху эллинизма // Античный полис. Л., 1979. С. 92—101. Более обширный материал по данной проблеме приводит в своей работе А. Мель, который, однако, выводит «право завоевателя» только из особенностей политической ситуации эпохи диадохов, не останавливаясь на возможности влияния в создании такового представления греческой политической теории. Кроме того, А. Мель приходит к выводу о том, что с течением времени «право копы» перестает быть основным в структуре внешней политики эллинистических великих держав. Монархи как равноправные политические партнеры вынуждены в эпоху развитого эллинизма подыскивать иные аргументы для своих территориальных притязаний. См.: Mehl A. Dorictatos chora: Kritische Bemerkungen zum «Speererwerb» in politik und Völkerrecht der Hellenistischen Epoche // An.Soc. 1980—1981. N 11—12. S. 173—212.

²³ См.: Head V. B. Op. cit. P. 229; Seltmann C. T. A Synopsis... P. 267—268. Pl. 20. Nn. 4—6.

²⁴ См.: Ibid. Pl. 20 Nn. 3.

²⁵ Таково предположение Э. Невелла, известное нам по работе К. Верли. См.: Wehrli Cl. Op. cit. Pl. 8. Nn. 1.

²⁶ См.: Charbonneaux J. Antogone le Borne et Démétrios Poliorcètes sont-ils sur le sarcophage d'Alexandre? P., 1952. T. 2. P. 219—223.

²⁷ См.: Самохина Г. С. Деметрий — царь Македонии (294—288 гг. до н. э.) // Из истории античного общества. Горький, 1975. Вып. 1. С. 47—51.

²⁸ См. тщательный разбор источников: Hauben H. A Roal Toast in 302 B. C... P. 106—108.

²⁹ Нам представляется в целом верной трактовка источников, предложенная Г. Хаубеном, но мы не можем согласиться с его попыткой «привязать» сведения анекдотического характера к определенной дате. Ср.: Hauben H. Roal Toast in 302 B.C... P. 108—113.

Е. П. ГЛУШАНИН
Алтайский университет

ЕЩЕ РАЗ К ЗАКОНУ О СКИРАХ 409 г.

В дискуссии о характере ранневизантийского общества IV—VI вв. закон о скирах 409 г. (CTh. V. 6.3) не случайно привлекает внимание исследователей, ибо содержащиеся в нем сви-

детельства непосредственно относятся к такому важнейшему вопросу этой дискуссии, как производственное значение рабства. Именно в нем одни усматривают наиболее яркое подтверждение тезиса об отказе от применения рабского труда и доминировании феодализационных процессов в ранневизантийском обществе уже в IV в.¹ По мнению других, этот закон является показателем постепенного отмирания рабовладельческих отношений или даже свидетельствует о своеобразном переломе принципиального отношения к использованию рабского труда в конце IV — начале V в. Этот перелом был как будто обусловлен готскими опустошениями на Балканах в 80—90-х гг. IV в., в ходе которых рабовладельческие отношения там были сильно поколеблены².

Наконец, существует точка зрения, согласно которой закон о скирах, наоборот, свидетельствует о сохранении в начале V в. еще достаточно устойчивых тенденций к использованию именно рабского труда, как в деревне, так и в городе, и что в нем отсутствуют какие-либо «принципиальные» хозяйственно-экономические установки, характеризующие перелом в отношении к эксплуатации рабов. Причины появления закона усматривают в следующем: «Внешняя угроза, соседство и активность варварской периферии вынуждали имперских собственников отказываться от превращения военнопленных в рабов, вопреки собственному желанию этих собственников»³.

Следует отметить, что Г. Л. Курбатовым и Г. Е. Лебедевой впервые в литературе при анализе этого закона была сделана попытка поставить его во взаимосвязь с другими постановлениями, изданными чуть раньше и ярко отразившими стремление балканских собственников к использованию рабского труда в своих хозяйствах. Речь идет о непосредственно предшествовавшем закону о скирах эдикте от 10 декабря 408 г., запрещавшем иллирийским собственникам обращать в рабов беглецов от варваров из соседних провинций (CTh. X. 10.25). Подобный подход к анализу закона 409 г. представляется не только правомерным, но и плодотворным, поскольку детальное изучение событий, непосредственно предшествующих изданию постановления о скирах, помогло бы как уточнению причин его появления, так и выявлению тех слоев ранневизантийского общества V в., которым он был адресован.

Из текста закона со всей очевидностью следует, как это и показали Г. Л. Курбатов и Г. Е. Лебедева, что скиров пытались превратить в рабов как сельские, так и городские собственники. Термин «*agros privatos*» недвусмысленно свидетельствует о том, что скиры передавались посессорам: «И по этой причине мы даем всем для наполнения частных полей множество людей из упомянутого племени, так чтобы все знали, что у нас они будут содержаться не по какому другому праву, кроме колоната».

О том, что посессоры стремились обратить скиров в рабов,

свидетельствует не только трехкратное напоминание о предписываемом для них правительством статусе колонов, но и бесспорное стремление земельных собственников всего за четыре месяца до 12 апреля 409 г. «наложить ярмо рабства» даже на спасающихся бегством провинциалов (CTh. X. 10.25). На наш взгляд, существуют и более веские аргументы в пользу представлений о большой заинтересованности балканских собственников в использовании труда рабов. В законе от 23 марта 409 г., т. е. всего за три недели до появления эдикта о скирах, правительство, настаивая на передаче захваченных рабов их господам и предоставлении свободы свободнорожденным, отмечает, что пленников под видом добычи удерживают не только воины, но и провинциалы: «Мы уже приказывали, что, как обнаружится, те пленники, которых заслужил, взяв назад добычу от варваров, воин и, отбив добычу, наш провинциал...» (выделено нами.— Е. Г.; CTh. V. 6.2).

С другой стороны, запрет переманивать переданных в качестве колонов скиров, а также запрет облагать налогами или подвергать цензу обработанные ими земли, наводит на мысль о том, что правительство стремилось сделать их государственными колонами типа дедитициев: «Свободным досугом их владельцы земель пусть пользуются, и ни один при составлении налоговых списков или ценза⁴... и никому не позволено ввергать их в рабство, как если бы они были подарены по праву ценза...» (CTh. V. 6.3). Опасаясь, очевидно, компактного поселения скиров из-за их многочисленности и близости союзников, оставшихся за Дунаем, правительство старалось воспользоваться частными землями для рассеянного их размещения и обеспечения надежного надзора. Последующие распоряжения о переводе скиров в тыл империи позволяют говорить о временности и вынужденности такой меры. С другой стороны, статус дедитициев был не только легче рабского, но, видимо, более престижным и привычным для варваров, поскольку предполагал их общинное поселение. Например, известно, что побежденные сарматы при Констанции II выпрашивали в качестве благодеяния статус трибутариев (Amm. Marc. XVII. 13.3; 19.11'); на этих же условиях в 376 г. в империю были приняты готы (Ibid. XXXI. 4.4). Такие поселения военнопленных варваров (случаи *recaptio* среди которых многочисленны) прослеживаются со времени Маркоманнских войн и на протяжении всего III и IV вв. По нормам римского права дети дедитициев уже обретали *ingenuitas*, что в свою очередь открывало им дорогу к государственной службе. Достаточно показательна в этом плане биография Максимина: уроженец Сопианы, сын провинциального табулярия (происходил из карпов, поселенных еще Диоклетианом в Валерии), занимал ряд должностей в государственном аппарате Западной империи, а в 371—376 гг. был префектом претория Галлии (PLRE. P. 577).

В 409 г. государство было вынуждено разместить на частных землях пленных скиров, стремясь одновременно пресечь попытки переложить на них часть ценза с имущества посессоров. Представляется, что, распределяя пленных по частным владениям⁵, государство брало на себя заботу по обеспечению их продовольствием, возможно, частичному. Предписание переводить скиров в другие провинции прямо мотивируется затруднениями в обеспечении их продовольствием именно на территориях Фракии и Иллирика (*pro rei frumentariae angustiiis*). Думается, что этот факт также свидетельствует в пользу статуса дедитициев, своеобразно модифицированного сложившимися обстоятельствами.

О том, что запрет обращать пленных скиров в рабов во многом мотивировался страхом перед возможным повторением варварских набегов, свидетельствуют обстоятельства разгрома Ульдиса. Реконструированная Л. Варади на основании данных Созомена (*Soz. IX. 5*) картина захвата скиров выглядит следующим образом: в течение зимы — весны 408/09 гг. отряды Ульдиса грабили северную часть восточноримского Иллирика; после того, как римляне стянули войска, варвары ринулись к Дунаю, при переправе через который часть их (а именно скиры, не успевавшие двигаться за гуннами, и, возможно, державшиеся от них отдельно, а также враждебно настроенные по отношению к ним) была захвачена в плен вместе с награбленной ими добычей⁶. Тогда же, видимо, последовал закон от 23 марта 409 г., предписывавший солдатам и провинциалам свободных военнопленных из добычи варваров отпустить по домам, а рабов вернуть их владельцам (*СTh. V. 6.2*). Однако, отмечает Л. Варади, основная часть гуннских отрядов избежала истребления и плена и переправилась через Дунай⁷. Вполне вероятно, что империя могла ожидать перегруппировки гуннских сил и их повторного удара. Поэтому не последовало компактного поселения скиров как государственных колонов, ибо при любом набеге они сразу же поддерживали бы своих недавних союзников.

В то же время обращают на себя внимание формулировки закона от 23 марта 409 г. о судьбе пленных из добычи варваров. Законодатель подчеркивает, что данное постановление уже не первое: «Мы уже приказывали» (*iussimus dudum*). Пленные «больше не должны удерживаться под предлогом добычи, которой следует гнущаться, но твердость распоряжения передает свободных их природному отечеству, а рабов — господам во имя немедленного исполнения закона»⁸. Таким образом, есть все основания говорить о наличии в это время устойчивой тенденции у воинов к захвату рабов, очевидно, с целью их дальнейшей перепродажи. Спрос на последних, как это видно из источника (*СTh. X. 10.25*), был постоянным как со стороны посессоров, так, очевидно, и ветеранов. Западноримский закон 400 г. подчеркивает, что многие лица нечестным путем пытаются стать ветеранами и обладать их привилегиями (*СTh. VII. 20.12*). Если

же учесть, что ни имущество, ни рабы ветеранов не облагались налогами, то понятен постоянный спрос на рабскую силу в их хозяйствах⁹, который во многом удовлетворялся продажей военнопленных солдатами, находившимися на действительной службе. Случаи торговли рабами, производимой воинами, на протяжении IV в. настолько многочисленны и общеизвестны, что даже не нуждаются в пояснении¹⁰.

Интересен комментарий закона 400 г., данный в свое время Ю. А. Кулаковским: «Сама возможность насильственного задержания пленных и обращения их в рабство солдатами указывает на то, что против Ульдиса действовала пограничная армия, солдаты которой были сами землевладельцами и занимались хозяйством на землях, приписанных к данной крепости или укреплению»¹¹. Верный в целом, он тем не менее нуждается в известных уточнениях и дополнениях. Прежде всего ничто не препятствует предположению, что часть пленных скиров, захваченных при переправе вместе с добычей, правительство оставляло пограничникам (коль скоро в законе речь о скирах не идет), которые выступают субъектом права в целом (CTh. VII. 15.2). Военнопленные должны были стать колонами гарнизона того или иного укрепления для снабжения его продовольствием, но не частными рабами отдельных воинов. Практика снабжения гарнизонов кастелов и лагерей различными категориями зависимого населения прослеживается уже с начала III в. Анализ надписей, проведенный А. Мочи, показал, что оно складывалось в тот период из рабов и вольноотпущенников офицеров, а также приписанных к кастелам *vicani*¹². В первой половине IV в. положение это не только не изменилось, но, видимо, даже упростилось. В нашем распоряжении имеется ряд свидетельств о переселении остатков разгромленных варварских племен в пограничную зону империи, где часть из них, вероятно, передавалась пограничникам¹³. Кроме того, уже в начале III в. государство вводит специальный налог *annona militaris*, сложная система которого получила особое развитие в позднеантичный период¹⁴.

Обращает на себя внимание факт некоторой перемены в снабжении войск при Валенте. Так, закон от 1 декабря 365 г. предписывает девять месяцев в году выдавать пограничникам аннону продуктами, а три — деньгами (CTh. VII. 4.14). Возможно, что в 369 г. происходит определенное расширение категорий населения, обязанных снабжать войска лимеса¹⁵. На наш взгляд, это связано с обострением отношений с готами в 365—369 гг., следствием которого было резкое сокращение работорговли и захват большого количества пленных, а следовательно, рабочей силы, обеспечивающей гарнизоны продовольствием. После готского восстания 376—382 гг. и создания (при Феодосии I) нового типа федератов положение еще больше обострилось. Закон 385 г. уже не освобождает никого из посессоров от поставок *annona limitanaeorum* (CTh. XI. 1.21).

Такая ситуация предполагает значительное сокращение приписанных к кастелам *visapī*. В условиях, когда в балканских провинциях размещались беспокойные федераты, государство предпринимало все возможные меры для своевременного снабжения гарнизонов пограничников, идя по пути ужесточения повинностей. Так, в 389 г. от обязанностей примипилата не освобождали уже ни болезнь, ни возраст (CTh. VIII. 4.16); в 390 г. из префектуры Востока практика анноны переносится на дунайский лимес (CTh. XI. 16.18). Снабжение пограничных войск, и особенно возникавшие в связи с этим трения между армией и посессорами (CTh. VII. 4.21), были большим вопросом для константинопольского правительства на протяжении всего правления Феодосия I и Аркадия, о чем свидетельствует обилие законов этого периода, пытающихся так или иначе урегулировать проблему (CTh. VII. 4.18—31). Отсюда понятно как стремление воинов обеспечить земли своих кастелов рабочей силой из военнопленных любого статуса, так и выгода для государства передать воинам часть захваченных в 409 г. скиров. Совершенно очевиден и в этом случае планировавшийся для скиров статус государственных колонов типа дедитициев.

В то же время анализ второй части закона (или даже отдельного постановления, поскольку после обширной лакуны, затемняющей его смысл, стоит: «*ita ut per libellos*», т. е. речь идет о нескольких законах), которая, кстати, привлекала гораздо меньше внимания исследователей, позволяет утверждать, что пленные скиры были переданы ограниченному числу гарнизонов, очевидно, только тем, которые принимали непосредственное участие в их захвате при попытке переправы. Это говорит не только о нежелании правительства селить скиров компактно, но и о стремлении держать их под надежным надзором военных. С другой стороны, оно пыталось следовать политике Феодосия I и переводить дедитициев в глубокий тыл империи. Известно, что после разгрома остготов в 386 г. они были размещены во Фригии (Zos. IV. 34; 38). Закон 409 г. прямо запрещает проживание скиров во Фракии и Иллирике и поощряет перевод их в заморские провинции; тех же из них, которые остались на Балканах, было позволено перемещать в пределах той же провинции в течение ближайших пяти лет. Перевод пленных в тыл империи предписывалось производить в течение двух лет.

Видимо, все эти меры связаны с опасением повторения адрианопольского кризиса. Обращает на себя внимание еще одна деталь: государство освобождает от конскрипции юношей-скиров на двадцатилетний срок (*iuniorum quoque intra praedictos viginti annos praebitione cessante*) — привилегия прямо-таки неслыханная для дедитициев и нетипичная для доадрианопольского периода. Объяснение ее, на наш взгляд, следует искать в стремлении правительства предотвратить возможные восстания дедитициев, как это уже имело место в 399 г. во Фригии.

Разгромленные в 386 г. Промотом остготы в качестве *captivi* (Claud. In Eutrop. II. 203) были обращены в лэтов (*Osthrogotis colitur mixtis Gruthungis Phryx ager* // Ibid. II. 153). Как лэты они обязаны были платить трибут и по первому требованию выставлять воинские контингенты (*Amm. Mar. XVII. 13.3; 19.11; XXXI. 4.4*). В 398 г. во время набега гуннов Евтропий потребовал от них рекрутов (Claud. In Eutrop. I. 242. *Adloquiturque Getas*), лэты выставили несколько ал во главе с Трибигильдом¹⁶. К этому немногочисленному военному ядру восстания Трибигильда позже примкнули массы лэтов. Думается, что правительство после этого восстания опасалось призывать в армию слабоорганизованных дедитицев первого поколения, но, вполне возможно, рассчитывало на их детей, родившихся в империи и не имеющих непосредственного контакта с варварским миром.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в законе о скирах 409 г. как в фокусе отразились некоторые реальные внутренние и внешние тенденции социально-экономического и политического развития Византии начала V в. Его обусловленность конкретными событиями, сложившейся ситуацией несомненна. И главное, он действительно свидетельствует о том, что прежде всего масса земельных собственников империи продолжала сохранять заинтересованность в использовании именно рабского труда и поэтому стремилась пополнять их число. Определенные ограничения, налагавшиеся в данном случае правительством, не являются ни отражением принципиальных основ политики государства в отношении рабов и колонов, ни каких-либо заметных перемен, происходивших в ней. Напротив, государство в данном случае отстаивало свое право собственности на военнопленных варваров, стремясь не допустить их приватизации посессорами. Единственным изменением в правительственной политике по отношению к дедитициям, зафиксированным в законе, следует признать лишь предписание перевода их в тыл империи, что лишь способствовало консервации прежних социальных отношений. Поэтому не случайно закон о скирах не был включен в последующее законодательство. Как мы показали выше, вся группа рассмотренных законов была связана с сугубо локальной и временной ситуацией. В то же время они свидетельствуют о стремлении государства достаточно жестко регулировать систему социальных и хозяйственных отношений в империи.

¹ См.: Липшиц Е. Э. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии // ВДИ. 1955. № 4. С. 65.

² См.: Велков В. Рабство в Тракия и Мизия през античността. София, 1976. С. 116—127; Он же. Конец рабовладельческих отношений в древней Фракии // ВДИ. 1977. № 3. С. 67; Ангелов Д. О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-Восточной Европы во II—IV вв. и перехода от античности к средневековью. М., 1970. С. 6.

³ Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. К вопросу о характере балканского

города IV—V веков // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 51, Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 41—42.

⁴ Перевод этого места Е. Э. Липшиц представляется неверным: «...И никто не имеет права изымать их из податных списков...» (Липшиц Е. Э. Проблема падения... С. 65). Несмотря на наличие лакуны в тексте закона, речь идет скорее о запрете внесения их в собственный ценз посессоров. Более точен перевод у В. Велкова (См.: Велков В. Робство в Тракия... С. 127).

⁵ Очевидно, такое распределение с государственно-правовой точки зрения выглядело вполне законным, коль скоро большинство земель в слабо урбанизированных балканских провинциях обладало лишь peregrinским статусом, связанным с определенными налогами и повинностями в пользу государства.

⁶ См.: Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376—476). Budapest; Amsterdam, 1969. S. 224.

⁷ См.: Ibid. S. 483. Anm. 584.

⁸ Интересно отметить, что это постановление, идущее в целом в русле ius postliminium, не перешло в Кодекс Юстиниана (CJ. VIII. 50), в то время как ряд законов соответствующего титула датирован еще III в. Анализ титула de redemptis ab hostibus показывает, что его статьи трактуют по преимуществу общие казусы. Поэтому закон от 23 марта 409 г., изданный по конкретной причине, и не оказался в последующем законодательстве. Однако для того, чтобы убедиться в его тесном родстве с ius postliminium, достаточно привести одну из формулировок закона 293 г.: «Мы приказываем этих возвращенных не считать пленными, а воину нашему надлежит быть защитником их, а не господином» (CJ. VIII. 50. 12).

⁹ «Si quos etiam veterani servulos familiasve ad agrum duxerint, immunes perpetuo possideant» (CTh. VII. 20. 8).

¹⁰ Ср. замечание А. Мочи о дунайской армии III в.: «Неземледельческие предпринимательства, в пограничном районе в особенности, прямо зависели от армии, равно как и экономическая, и общественная жизнь пограничного района в целом» (Moscy A. Pannomia and Upper Moesia, London; Boston, 1974. P. 242).

¹¹ Кулаковский Ю. А. История Византии. Киев, 1913. Т. 1. С. 230.

¹² См.: Moscy A. Zu den prata legionis // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Köln; Graz, 1967. S. 211—214.

¹³ См.: Cons. Const. a. 334; Jord. Get. 115; Euseb. Vita Const. V. 6, Eutrop. IX. 25.

¹⁴ Подробнее см.: Berchem D. van. L'annonce militaire dans l'Empire romain au IIIe siècle // Memoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. 1937. Ser. 8. Vol. 10. P. 117—202; Moscy A. Das Lustrum Primipili und die Annona Militaris // Germania. 1966. Jg. 44. S. 312—326.

¹⁵ «...Praecipimus species annonarias a vicioribus limitis provincialibus ordinab. ad castra conferri» (CTh. VII. 4. 15).

¹⁶ «Он командовал не римскими, но варварскими алами, поселенными во Фригии» (Zos. V. 13. 2).

А. С. КОЗЛОВ
Уральский университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВИЗАНТИИ В 476—491 гг. V в. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Нет нужды подробно обосновывать тезис об обусловленности специфики классовой и политической борьбы в ранней Византии